

Информация для цитирования:

Шигуров В. В. Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией / В. В. Шигуров, Т. А. Шигурова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 205—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-205-229.

Shigurov, V. V., Shigurova, T. A. (2025). Nominative and Accusative Cases of Russian Nouns in Contexts of Adverbialization Combined with Modality, Pronominalization, Particulation, and Interjection. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 205-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-205-229. (In Russ.).

Web of Science®

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией

Шигуров Виктор Васильевич

orcid.org/0000-0002-4898-6484

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка,

корреспондирующий автор

shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

orcid.org/0000-0001-5342-8471

доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры культурологии и
библиотечно-информационных ресурсов

shigurova_tatyana@mail.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 24-28-00674,

<https://rscf.ru/project/24-28-00674/>

Nominative and Accusative Cases of Russian Nouns in Contexts of Adverbialization Combined with Modality, Pronominalization, Particulation, and Interjection

Victor V. Shigurov

orcid.org/0000-0002-4898-6484

Doctor of Philology, Professor, Head
of the Department of the Russian,

corresponding author

shigurov@mail.ru

Tatyana A. Shigurova

orcid.org/0000-0001-5342-8471

Doctor of Cultural Studies, Professor,
Department of Cultural Studies, and
Library and Information Resources

shigurova_tatyana@mail.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-00674,
<https://rscf.ru/project/24-28-00674/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью переходных зон в грамматическом строе языка. В центре внимания — виды пересечения адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ с другими типами транспозиции. Цель работы — рассмотреть признаки и предел транспозиции именительного и винительного падежей существительных в наречия в контекстах «чистой» адвербиализации и совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией. Использована методика структурно-семантического анализа, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа. Установлено, что формы именительного падежа существительных типа *правда* способны при интерпозитивном использовании подвергаться функциональной транспозиции в наречия и модальные слова со значением категорической достоверности. Показано также, что формы именительного и винительного падежей существительных могут совмещать адвербиальную транспозицию с транспозицией в местоимения в значении неопределенного множества (*капельку, крошечку, чуточку, малость*); в определительно-уточняющие частицы (*минимум, максимум*); в эмотивные междометия (*ужас, страх, жуть*). Делается вывод о том, что данные типы транспозиций проявляют себя чаще всего в семантической зоне исходных субстантивных лексем, то есть в сфере грамматики, и не связаны со словообразованием.

Ключевые слова:

грамматика; существительное; адвербиализация; прономинализация; партикуляция; интеръективация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is determined by the insufficient study of transition zones in the grammatical structure of the language. The focus is on the types of intersection of adverbial transposition of substantive word forms with other types of transposition. The purpose of the work is to consider the features and limit of transposition of nominative and accusative cases of nouns into adverbs in the contexts of "pure" adverbialization and combined with modality, pronominalization, particulation and interjection. The methods of structural and semantic analysis, linguistic experiment, elements of distributional, transformational and componential analysis are used. It is established that the forms of the nominative case of nouns such as *pravda* are capable of undergoing functional transposition into adverbs and modal words with the meaning of categorical reliability when used interpositively. It is also shown that the forms of the nominative and accusative cases of nouns can combine adverbial transposition with transposition into pronouns meaning an indefinite set (*kapelku, kroshechku, chutochku, malost'* [a little]); into defining-clarifying particles (*minimum, maximum*); into emotive interjections (*uzhas, strakh, zhut'* [How terrifying!]). It is concluded that these types of transpositions manifest themselves most often in the semantic zone of the original substantive lexemes, that is, in the sphere of grammar, and are not associated with word formation.

Key words:

grammar; noun; adverbialization; pronominalization; particulation; interjection.

УДК 811.161.1'367.624.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-205-229

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Именительный и винительный падежи русских существительных в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией

© Шигуров В. В., Шигурова Т. А., 2025

1. Введение = Introduction

Один из сложнейших вопросов теории транспозиции и синкретизма связан с осмыслением фактов пересечения нескольких транспозиционных процессов в структуре языковых единиц разной частеречной принадлежности. При таком пересечении возникают зоны синкретизма, характеризующиеся разной комбинаторикой и пропорцией признаков взаимодействующих частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модалных единиц. Случаи взаимодействия семантико-грамматических классов слов при транспозиции, совмещаемой в ряде случаев со словообразованием, отмечались российскими и зарубежными исследователями. Достаточно вспомнить в связи с этим хотя бы теорию Ш. Балли о функциональной и семантической транспозиции, в соответствии с которой считается, что первая относится только к сфере грамматики, а вторая охватывает и лексику (см.: [Балли, 1955, с. 131]). В то же время, по справедливому замечанию ряда исследователей, транспозиция языковых единиц способна перерастать на разных этапах из одного вида в другой (см., например: [Зернов, 1986, с. 10—11]). При транспозиции наблюдается асимметризация языковых знаков, нарушение единства их формы и содержания. Как отмечал С. Карцевский, означающее (звучание) стремится найти иные функции, а означаемое — иные средства выражения (см.: [Карцевский, 1965, с. 85—90]). Согласно В. Г. Гаку, взаимодействие частей речи приводит к тому, что исходные словоформы развивают новое содержание, расширяя номинативные возможности языковых единиц, их синтагматический потенциал, формируя синонимы, которые выражают новые оттенки мыслей и чувств (см.: [Гак, 1990, с. 519]).

Ступенчатая природа транспозиции обуславливает появление огромного количества синкретичных образований, в структуре которых в разной

пропорции представлены свойства взаимодействующих при транспозиции частей речи. «Факты языка, — пишет В. Г. Гак, — формируют некоторый континуум — цепь постепенных переходов. Крайние звенья цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии» [Гак, 1998, с. 16—17]. В живом функционировании языка преобладают факты, у которых нет полного набора свойств одной какой-либо части речи (см., например: [Бабайцева, 2000, с. 3—4]).

Ситуацию осложняет механизм пересечения нескольких транспозиционных процессов, в которые вовлекаются языковые единицы. В. В. Виноградов обратил внимание на то, что грамматические факты могут двигаться, соприкасаясь разными гранями сразу с несколькими классами слов и приводя тем самым к образованию гибридных структур, совмещающих дифференциальные признаки взаимодействующих (пересекающихся) частей речи (см.: [Виноградов 1986, с. 45—46]).

Трудно не согласиться с Е. С. Кубряковой, которая считает, что «структурация каждой отдельной части речи может быть названа прототипической, поскольку у нее есть ядро и периферия, фокус (фокусы) и развивающиеся по разным направлениям ответвления категории» [Кубрякова, 2004, с. 113]. В рамках каждой части речи можно выделить ядерные единицы, являющиеся их лучшими представителями — прототипами, и периферийные единицы. Прототипы концентрируют наиболее полный набор конституирующих признаков той или иной части речи. По мнению И. В. Высоцкой, это своего рода магниты, которые образуют поле и притягивают к себе периферийные явления (см.: [Высоцкая, 2006, с. 84]). «Полевая организация языковых категорий..., как справедливо отмечает Е. В. Петрухина, — проявляется... в сближении и пересечении классов языковых единиц» [Петрухина, 2009, с. 11].

Полевую структуру представляет, например, глагольная система, которую представляют четыре репрезентанта: ядерный репрезентант в виде предикативной формы глагола типа *рисую* и периферийные репрезентанты, возникшие в результате грамматической транспозиции глагольной лексики: а) в наречие — полупредикативный репрезентант, деепричастие типа *рисую* (адвербиальная транспозиция); б) в существительное — субстантивный репрезентант, инфинитив типа *рисовать* (субстантивная транспозиция); в) в прилагательное — адъективный репрезентант, причастие типа *рисующий* (адъективная транспозиция). С учетом этих типов собственно грамматической транспозиции можно объяснить причину тяготения деепричастных, инфинитивных и причастных форм глаголов к трем частям речи — наречиям, существительным и прилагательным (см., например: [Буланин, 1983, с. 94—115; Шигуров, 1993]).

Разные типы взаимодействия частей речи с выделением доминирующего типа транспозиции и сопутствующих ему периферийных транспозиционных процессов были исследованы нами в ряде монографий (см., например: [Шигуров, 2009; Шигуров, 2015; Шигуров, 2016; Шигуров, 2025]).

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть зоны пересечения адвербиализации именительного и винительного падежей существительных с процессами модалации, прономинализации, партикуляции и интеръективации.

Актуальность исследования определяется недостаточной степенью изученности механизма взаимодействия нескольких типов транспозиции в структуре одной и той же языковой единицы, их отношения к сферам грамматики и лексики.

Новизна работы состоит в том, что в ней выявлены переходные зоны, эксплицирующие факты совмещения адвербиализации существительных в именительном и винительном падежах с модалацией, прономинализацией, партикуляцией и интеръективацией.

2. Материал, методы = Material, Methods

Методологической базой послужили исследования отечественных и зарубежных ученых по проблеме межчастеречного взаимодействия, транспозиции (трансляции, конверсии, синтаксической и лексической деривации, переходности, трансформации) и синкретизма (см., например: [Курилович, 1962, с. 57—71; Мигирин, 1967; Теньер, 1988; Вихованець, 1988; Урысон, 1996, с. 25—38; 2024, с. 241—254; Зализняк, 2020, с. 5—11; Кравцов, 2016; Мельчук, 2023, с. 9—25; Marchand, 1967, с. 13—26; Eihinger, 1982; Stekauer, 1996]).

Цель работы — определение семантико-грамматических сдвигов в беспредложных формах именительного и винительного падежей в контекстах адвербиализации, совмещенной с модалацией, партикуляцией, прономинализацией и интеръективацией.

Объект исследования — существительные в формах именительного и винительного падежей, подвергающиеся нескольким типам транспозиции на уровне частей речи и межчастеречного разряда вводно-модалных слов и выражений.

Предмет рассмотрения — типы и признаки адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ в контекстах «чистой» и «совмещенной» адвербиализации.

Материал исследования — предложения с существительными в именительном и винительном падежах, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], и собственные примеры авторов статьи.

В решении научных задач применялись такие методы исследования, как структурно-семантический анализ, оппозиционный метод, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Проведенное исследование свидетельствует о том, что имена существительные в формах именительного и винительного падежей способны демонстрировать в типовых контекстах факты как «чистой» адвербиализации, так и совмещенной с другими типами межчлестеречной транспозиции. Очевидными представляются случаи совмещения адвербиальной транспозиции субстантивных словоформ с их транспозицией во вводно-модальные единицы (модалация), местоимения (прономинализация), частицы (партикуляция) и междометия (интеръективация). Рассмотрим эти типы транспозиции.

3.1. Именительный падеж существительного в синкретичном контексте адвербиализации и модалации

Именительный падеж русских существительных может оказаться в определенных типах контекстов в зоне притяжения наречий и вводно-модальных слов, что не позволяет однозначно квалифицировать его категориальный статус. А. Х. Востоков обратил внимание на особую подгруппу наречий, которая характеризует подлинность действия и состояния, назвав их соответственно утвердительными (*подлинно, истинно, действительно* и т. п.) и предположительными наречиями (*никак* и т. п.) (см.: [Русская грамматика Александра Востокова ..., 1844, с. 184]). Под эту семантическую подгруппу можно подвести и отсубстантивное наречие *правда*, используемое для указания на подлинность передаваемой информации. Наречия со значением утверждения и предположения находим также в работе И. Давыдова (см.: [Давыдов, 1852, с. 201]).

В. В. Виноградов считал, что словоформы типа *действительно, безусловно* следует квалифицировать как промежуточные, гибридные образования, поскольку в них совмещены свойства наречий и модальных слов (см.: [Виноградов, 1986, с. 602]).

Хорошо известно, что имена существительные в разных формах падежей с предлогами и без предлогов (*правда, в принципе*), краткие прилагательные среднего рода (*действительно, естественно*) могут употребляться в позиции между подлежащим и сказуемым в качестве особого модального обстоятельства, сближаясь тем самым с наречиями. В этой позиции они подвергаются функциональной адвербиализации. Показательны в этом плане, например, типы необособленного употребления в роли модального обстоятельства и / или обстоятельства меры и степени адвер-

биализованных адъективных словоформ *естественно, безусловно, действительно*, приводимые Д. Э. Розенталем (см.: [Розенталь, 2006, с. 131]:

- (1) *Он безусловно прав* (наречие в функции обстоятельства меры и степени);
- (2) *Он, безусловно, прав* (наречие или краткое прилагательное в вводно-модальной функции со значением категорической достоверности).

Для сравнения приведем предложение с кратким прилагательным *безусловно* в позиции именного предиката:

- (3) *Нарушение правила дорожного движения было очевидно и безусловно.*

Приведенные выше примеры демонстрируют, с одной стороны, транспозиционный процесс чистой адвербиализации словоформы *безусловно* (от-адъективное наречие в роли модального обстоятельства (1)), а с другой — зону пересечения процессов адвербиализации и модалации (при вводно-модальном употреблении отадъективного наречия, сопровождаемом обособлением вводного компонента, то есть интонационно-смысловым выделением его в речи и пунктуационным оформлением на письме (2)).

Нечто схожее можно наблюдать при использовании беспредложной субстантивной словоформы *правда*; ср. ее разный категориальный статус:

- ядерное (протипическое) существительное в функции подлежащего:
- (4) *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* (≈ ‘то, что есть в действительности’);

- синкрета, синтезирующая в контексте совмещенной адвербиализации и модалации свойства существительного, наречия и вводно-модального слова:

- (5) *Он правда ни в чем не виноват* (≈ ‘действительно, на самом деле’);
- синкрета, синтезирующая при препозитивном употреблении в контексте совмещенной модалации и партикуляции свойства вводно-модального слова и модальной (утвердительной) частицы:

- (6) *Правда, его там не было в это время* (≈ ‘да, верно’).

Следует иметь в виду, что интерпозитивное употребление субстантивной словоформы *правда* в позиции обстоятельства между подлежащим и сказуемым (см. пример (5)) трактуется неоднозначно. Одни исследователи считают, что в таких случаях мы имеем дело с модальной, утвердительной частицей (см., например: [БТСРЯ, 2000, с. 952]; другие полагают, что это гибрид, синтезирующий при необособленном употреблении в функции обстоятельства свойства модальных слов и наречий (см., например: [Баудер, 1982, с. 134—135]); третьи считают, что функция обстоятельства, примыкание как способ присловной связи со знаменательными словами и др. дают основание усматривать в словоформе *правда* статус наречия (см., например: [Ким и др., 2004, с. 565]).

Проведенное исследование позволяет заключить, что словоформа *правда* в анализируемом типе контекста, действительно, находится на пересечении двух транспозиционных процессов — адвербиализации и модалияции. Однако важно подчеркнуть, что оба этих процесса имеют собственную грамматическую природу: они протекают исключительно в недрах семантической зоны исходной субстантивной лексемы *правда* и потому не могут быть связаны со словообразованием, то есть с производством новой единицы языка. Синкрета *правда* в силу сказанного представляет особый адвербиально-модалный тип употребления.

Включенность рассматриваемой словоформы в транспозиционные процессы адвербиализации и модалияции проявляется, с одной стороны, в ослаблении и утрате основных категориальных признаков существительного, а с другой — в формировании признаков наречий и модалных единиц. Например:

(7) *Он правда талантливый художник.*

При употреблении в позиции необособленного модалного обстоятельства (пример 7) словоформа *правда* лишена таких прототипических свойств существительного, как семантика предметности; категории рода, числа и падежа; падежно-числовая парадигма; членимость на основу и флексию; наличие адъективных и присубстантивных распространителей, отнесенность к лексико-грамматическим разрядам исходного существительного (нарицательное, неодушевленное, абстрактное). Вместе с тем при адвербиализации словоформы *правда* не нарушается семантического тождества исходной лексемы: она сохраняет смысл ‘то, что соответствует действительности’, демонстрируя собственно грамматический (функциональный) характер транспозиции в наречие. Наряду с этим у данной словоформы сформировались адвербиальные свойства, такие как категориальная семантика признака признака; неизменяемость (флексия *-а* в синкрете *правда* преобразовалась в суффикс *-а*); функция (модалного) обстоятельства; способность связываться с главным словом словосочетания способом примыкания. Надо сказать, что адвербиализация данного существительного, как, впрочем, и его модалияция, имеет сугубо контекстуальный, речевой характер: она наблюдается лишь в строго определенной (неособобленной!) позиции — между подлежащим и сказуемым.

Адвербиальное значение ‘действительно, на самом деле’ у словоформы *правда* в функции необособленного модалного обстоятельства выделяется в «Большом академическом словаре русского языка» [БАСРЯ, т. 19, с. 420]:

(8) *Она видела Лику, она правда выходит замуж. Стала такая славная* (М. Чехова. Письма. 1902) [НКРЯ];

(9) Ты **правда** любишь меня, — тихонько шепнула Леля на ухо Драпичу (Н. Никит. Северн. Аврора) [НКРЯ].

В указанном словаре отмечается также, что в синтаксической роли обособленного члена предложения *правда* используется в значении категорической достоверности, свойственном вводному слову; ср.:

(10) Синева напозла, но дождя, **правда**, не было (Шукшин. Дядя Ермолай) [НКРЯ].

Как и типичные вводно-модальные слова, синкретичное образование *правда* в контексте адвербиализации и модалации имеет субъективно-модальное значение, которое обозначает уверенность субъекта модуса в реальности сообщаемой информации. Оно характеризуется также признаком неизменяемости, что обусловлено отсутствием категорий и парадигм существительного. Однако в отличие от ядерных модальных слов типа *правда*, конечно синкретичная структура *правда* не обладает такими характеристиками, как вводная функция; обособление, то есть интонационно-смысловое выделение в речи и употребление с запятыми на письме; «интродукция» как способ вхождения вводно-модальной единицы в структуру высказывания; неспособность быть членом предложения (см., например: [Шигуров, 2025]).

Словоформа *правда* в синкретичном контексте адвербиализации и модалации употребляется в качестве модального обстоятельства в основном при глаголах в финитной форме, в том числе при отрицании действия (*любить, нравиться, исчезнуть* и др.); при качественных прилагательных и отадективных наречиях (*замечательный, талантливый, умнейший, особенный, хороший, виноват, здоров, сильно* и т. п.); при предложно-падежных формах существительных (*из артистов* и др.); ср.:

(11) Мне разные записки писали, но такого никогда не было... Ты **правда** любишь меня? Я молчал (Р. Ибрагимбеков. Забытый август // «Юность», 1972) [НКРЯ];

(12) А Густав и **правда** исчез: уволился из университета, переехал в только что построенный замысловатый дом-башню в кюснахте на самом берегу цюрихского озера (О. Новикова. Мужской роман, 1999) [НКРЯ];

(13) Молодец... Я **правда** хороший юрист! И у меня IQ 162 (Е. Колина. Дневник измены, 2011) [НКРЯ];

(14) Я читала про «Цирк дю Солей» — это и **правда** нечто особенное (Форум: Поход в цирк, 2010) [НКРЯ];

(15) Орленев видел, что этот офицер **правда не виноват** в том, что ему было поручено сделать обыск, и держался и говорил вполне в том тоне, в каком должно было (М. Волконский. Записки прадеда, 1914) [НКРЯ];

(16) Я переспрашивал: «Нет, ты **правда** здоров?» Я объяснял озабоченное волнение тем, что вчера во сне увидел его, моего бывшего приятеля

ля, — увидел отчетливо и узнаваемо (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени, 1996—1997) [НКРЯ];

(17) *Ключий друг: во время праздников ни слова ей не написал... ну согласишься, если она тебе правда так сильно нравится, то можно было ей уделять хоть чуточку больше внимания...* (agd-ardin, Ключий друг. Переписка в ICQ, 16.01.2008) [НКРЯ];

(18) *По всей видимости, большинство людей — не все, но большинство, которые там сейчас работают, считают нас чужими. Мы и правда не из разведки! Мы — самостоятельные люди* [Б. Немцов, Е. Трегубова. «Мы и правда не из разведки!!» // «Коммерсантъ-Власть», 2002] [НКРЯ].

Для сравнения укажем, что в функции необособленных обстоятельств образа действия (19) и обособленных вводно-модальных слов (20) могут употребляться и адвербиализованные формы творительного падежа существительных *часом* и *случаем* в значении ‘случайно’; ср.:

(19) *Заковыристо. Вам не поп часом имя снарядил? Чего-о-о?!* (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015) [НКРЯ]; *Я встал у ворот, в указанное место, втянул голову, опустил взор, чтобы часом никто из толпы меня не узнал или по телевизору не засветиться во всем позоре, ибо там и телевизионщики были* (А. Белозеров. Люди до востребования // «Волга», 2012) [НКРЯ]; *Ты случаем не забыл, что одиннадцатого твоему шефу сорок один стукнет?* (В. Вещунов. Перекат // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ];

(20) *«Какое у вас образование?» — спросил я. «Часом, не кадровый офицер?» — «Да нет», — сказал он* (А. Бушков. Дверь в чужую осень, 2015) [НКРЯ]; *«Часом, в Эстонию не намылилась?» — «Прекрати, — буркнула Лиза, — у меня все так, что лучше и не говорить»* (Д. Симонова. Шанкр, 2002) [НКРЯ]; *«А это у вас откуда? Не украли, случаем?» — «Да что вы, дядя!»* (Ф. Ошевнев. Записки букиниста (2016) // «Ковчег», 2015) [НКРЯ].

Что касается словоформы *факт*, которая обычно употребляется в одном ряду с близким по значению словом *правда*, то, в отличие от синкреты *правда*, она не может употребляться в функции необособленного модального обстоятельства и не встречается поэтому в синкретичном контексте адвербиализации и модалагии. Существительное *факт* не подвержено адвербиализации, хотя в роли вводно-модального слова — утвердительной частицы оно используется.

Ср. контексты употребления существительного *факт* (21) и вводно-модального слова-частицы *факт* (22):

(21) *Отмечен любопытный факт: испытуемые не осознавали реакции своего мозга на столь естественное воздействие, какое мы наблюдаем в природе* (Мозг реагирует на грозу // «Знание — сила», 2003) [НКРЯ];

(22) *Его логические умозаключения могли привести к неожиданным жизненным выводам... Расслабляешься, **факт**. Витя философствовал...* (М. Марина. Витька-колдун // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ] ($\approx$ ‘да, верно’).

Отметим также случаи транспозиции словоформы *правда* в союз с противительно-уступительным значением:

(23) *Он любил **правду**, **правда** не всегда* ($\approx$ ‘хотя’, ‘но’).

3.2. Именительный и винительный падежи существительных в контексте адвербиализация и прономинализации

Речь идет о субстантивных формах винительного падежа *капельку*, *крошечку*, *чутьочку* и субстантивных формах именительного / винительного падежа *малость*. Как показывают наблюдения, эти существительные без предлогов подвержены двум типам транспозиции: адвербиализации и прономинализации.

Необходимо иметь в виду, что процесс прономинализации может быть как в чистом виде, так и в сочетании с процессом адвербиализации. Различить их можно уже синтагматически: транспозиция только в местоименно-числительное наблюдается при употреблении *чутьочку*, *крошечку* и *капельку* с существительными (23), а совмещенная (двойная) транспозиция — в наречия и местоимения — при употреблении с признаковыми словами, преимущественно с глаголами, прилагательными, наречиями, в том числе в безлично-предикативной функции (24).

(24) (а) *Знаете, что нужно добавлять в маринад для мяса? **Чутьочку киви**! Так в детстве учила меня мама* (А. Мардань. Тайна на троих // «Дальний Восток», 2019) [НКРЯ]; *Евдокии и сейчас, хотя прошли годы, было неприятно такое благодущие очередной пассива Михаила. Ей хотелось добавить **чутьочку дёгтя**. Помнится, в молодости он ни одной юбки не пропускал!* (А. Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014) [НКРЯ];

(б) *Вот выдался свободный вечер, надо ухватить **крошечку** крепкого **сна*** (И. Гольдберг. День разгорается, 1935) [НКРЯ]; *Ей бы стоило дать себе **крошечку воли**, и полились бы у нее сладкие, нескончаемые слезы* (И. Тургенев. Накануне, 1859) [НКРЯ]; *Хоть бы **крошечку внимания**!* (Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник, 1896) [НКРЯ];

(в) *Приговаривая так, работая, усаженный на лучшее место за кухонным столом, солидно прихлебывал чай, осторожно кушал бутерброд с икрой, иногда роняя **капельку жирных зерен** на поношенный гипс* (О. Славникова. Прыжок в длину, 2014—2016) [НКРЯ]; *...«Открытия» её героини привнесут **капельку тепла** в суровые коридоры Мировой Субординации* (Т. Рябинская. Яблочный хвостик // «Ковчег», 2015) [НКРЯ]; *Она, казалось, отчаянно бросала вызов нерадивым хозяевам, добавив **капельку грусти** и нам* (В. Бирюлин. Семена жизни // «Ковчег», 2014) [НКРЯ];

(25) (а) *Элли не плачет, голос ее ровный, только рот **чуточку** кривится, красивые глаза смотрят в угол, а брови застыли напряженно приподнятой линией* (А. Цветкова. Если у вас нет собаки // «Сибирские огни», 2012) [НКРЯ]; *Мы их уложим ко сну теплыми, так ясно запомнившими этот день ворохами, тронутыми вишней слегка темноватой улыбкой, **чуточку** лишь виновной и грустной, но все-таки — детской, исчезающе детской* (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011) [НКРЯ]; *Можно предположить, что семья Гагариных пережила оккупацию **чуточку** легче, чем остальные их односельчане* (Л. Данилкин. Юрий Гагарин, 2011) [НКРЯ];

(б) *Мне нужно было хоть **крошечку** хватить свежего воздуха* (С. Сартаков. Не отдавай королеву, 1960) [НКРЯ]; *Тане, может быть, было **крошечку** стыдно, но ела она с аппетитом* (И. Новиков. Гарахвена, 1917—1919) [НКРЯ]; *Сила Терентьев Пузанов, при этих словах, тоскливо замотал головой, так что если б атаманы-молодцы были **крошечку** побойчее, то они, конечно, разнесли бы съезжую избу по бревнышку* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города, 1869—1870) [НКРЯ]; *Я очень люблю тебя, но Станкевича люблю **крошечку** больше* (Н. Крашенинников. Целомудрие, 1925) [НКРЯ];

(в) *То же самое, что и все мои шуточки — это не мое, это просто способ заполнить несколько впустую потраченных минут чем-то хоть **капельку** интересным* (А. Григорович. Пыльная буря // «Волга», 2012) [НКРЯ]; *Еще **капельку** она отвлечется от учебы, а потом уже будет сидеть над задачей до вечера* (Д. Сабитова. Цирк в шкатулке, 2007) [НКРЯ]; *Ну, дай хоть **капельку** вправо — и спокойно бы разошлись* (Х. Ганиев. Никто не хотел убивать (2002) // «Автопилот», 15.11.2002) [НКРЯ].

Для существительного *чуточку* характерен сугубо функциональный тип транспозиции в количественное наречие и / или в неопределенно-количественное местоимение, протекающей в пределах семантической зоны исходной лексики. Ср., например, типовые контексты субстантивного (25) и адвербиально-прономинального употребления словоформы *чуточку* (26):

(26) *Сам когда-то часто раздражался, ел мясо, пил водку. Проявите **чуточку** ... понимания, жалости. Наконец, элементарного сострадания* (М. Елизаров. Pasternak, 2003) [НКРЯ];

(27) *Иди, чего ты ждешь еще? Ты не назвал своего имени. Почему я произнес именно эти слова? Может быть, потому, что начал **чуточку** понимать кавказцев? Беслан. Я запомню твоё имя. И пошел* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт, 1998) [НКРЯ].

Адвербиализация форм винительного падежа существительных *капельку* и *крошечку*, напротив, имеет функционально-семантический ха-

рактер, так как приводит к нарушению тождества исходных лексем, демонстрируя образование наречий, которые являются не только грамматическими, но и лексическими омонимами по отношению к исходным субстантивным словоформам. Ср. контексты употребления функционально-семантических омонимов — *капельку, крошечку* (существительные) (27) и *капельку, крошечку* (отсубстантивные наречия меры и степени) (28):

(28) *И там должен стоять недопитый стакан под этим низким солнцем, и бабочка должна сесть на край стакана, и хоботком вытянуть **капельку** вина* (Г. Гупало, А. Данилова. Юрий Норштейн: Опять забыли человека (2016.09) // «Правмир», 2016) [НКРЯ]; *Я показал Алешке пальцами уши над головой, и он расплылся в улыбке: понял — это от зайца. Мы схватили калач. Он мерзлый, что камень. По очереди пытались откусить от него хоть **крошечку*** (В. Астафьев. Последний поклон, 1968—1991) [НКРЯ];

(29) *Спасибо. Я тут постою **капельку**. Все в порядке?* (О. Сульчинская. От мира до кругозора // «Октябрь», 2003) [НКРЯ]; *...Дождь в ночь уймется и к утру хоть **крошечку** подмерзнет...* (В. Смирнов. Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность, 1895) [НКРЯ].

В целом же можно говорить о трех типах употребления словоформ типа *капельку*; ср.:

— собственно субстантивный тип употребления:

(30) *«Как это ты не знал, Борис?» — нарочито сердясь, сказала Анна Леопольдовна и быстро смахнула платком с его подбородка **капельку слюны*** (В. Мухарьямов. Брагины // «Волга», 2009) [НКРЯ];

— местоименно-числительный тип употребления:

(31) *Вызовите охрану... Почтенная публика, **капельку терпения!*** (Д. Колодан, Карина Шаинян. Затмение, 2007) [НКРЯ];

— адвербиально-прономинальный тип употребления:

(32) *Поэтому мы не без горечи смирились с тройкой, в глубине души **капельку надеялись** на четверку и даже не мечтали о пятерке* (В. Санин. Мы — псковские! 2001) [НКРЯ].

При транспозиции существительных *чуточку, капельку, крошечку* в наречия и местоимения в их структуре происходят изменения двух типов. Во-первых, они связаны с утратой признаков существительных, а во-вторых — с появлением признаков наречий и местоимений.

Совмещенная прономинализация и адвербиализация данных существительных проявляется в утрате таких субстантивных характеристик, как значение предмета (предметности); категории и формы рода, числа и падежа; парадигма, система флексий; первичная синтаксическая функция существительного (дополнение), разрядовые значения (нарицательность, неодушевленность, конкретность / абстрактность), наличие адъективных

и присубстантивных зависимых слов. Адвербиальная и прономинальная транспозиция форм винительного падежа *капельку*, *крошечку*, кроме того, сопровождается утратой лексических значений исходных субстантивных лексем: *Попугай заметил на столе крошечку хлеба* (существительное) —> *А теперь крошечку внимания!* (синкрета в контексте прономинализации) / *Крошечку подождите!* (синкрета в контексте адвербиализации и прономинализации).

В результате адвербиализации *капельку*, *крошечку*, *чутьочку* приобретают такие дифференциальные признаки наречий, как семантика вторичного признака предмета (неопределенно-количественного признака признака), неизменяемость, адвербиальная функция обстоятельства меры и степени, примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным словом; разрядовое значение определительно-количественного наречия (*капельку надеялись* ≈ *немного надеялись*). Морфема -у на конце адвербиализованных словоформ изменила свой категориальный статус: из флексии она трансформировалась в суффикс, расширив состав основы слова.

При прономинализации *капельку*, *крошечку*, *чутьочку* приобрели свойства неопределенных местоимений (типа *несколько*), а именно: местоименно-указательную функцию, связанную с выражением неопределенно-малого количества чего-либо, не достигающего некоей нормы; сочетаемость с существительными типа *терпения*, *везения*, *надежды* (подробнее о словах с семантикой неопределенного множества см., например: [Шигуров, 2015, с. 50—69]).

Функционально с образованиями *чутьочку*, *капельку*, *крошечку* сближается и субстантивная словоформа *малость*, также способная употребляться в контекстах адвербиализации и прономинализации. Подобно словоформам *чутьочку*, *капельку*, *крошечку*, форме именительного / винительного падежей существительного *малость* присущи три типа употребления:

— собственно субстантивный тип употребления:

(33) *Никто ничего не может знать про эту смешную малость, про засохшие цветы, найденные в старинной книге или на груди покойника* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей, 1964) [НКРЯ] (≈ ‘мелочь, пустяк’);

— местоименно-числительный тип употребления:

(34) *Ты думаешь, она оставила мне малость денег?* (В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени, 1996—1997) [НКРЯ] (≈ ‘незначительное количество, немного’);

— адвербиально-прономинальный тип употребления:

(35) *Там он выступал, доклады писал по-немецки, и их приходилось малость подправлять* (Д. Гранин. Зубр, 1987) [НКРЯ] (≈ ‘чуть-чуть, немного’);

Как и в случаях адвербиального и адвербиально-прономинального использования словоформ типа *капельку (терпения, потерпеть)*, процессы прономинализации и адвербиализации словоформы *малость* сопровождаются определенными сдвигами на уровне общеграмматической семантики данного образования, его морфологических категорий и парадигм, лексико-грамматических разрядов, морфемной организации, присловных подчинительных связей, типичных синтаксических функций. Процессы адвербиализации и прономинализации у словоформы *малость* имеют собственно грамматический характер: они осуществляются в пределах семантической зоны исходной лексемы (*малость*). В этом отношении *малость* схоже со словоформой *чутьочку*, адвербиальная и прономинальная транспозиция которой не связана с образованием новой языковой единицы. Правильнее говорить в таких случаях об особых употреблениях словоформ в адвербиальной и местоименно-числительной функциях, а не о совмещении грамматических процессов (адвербиализации и прономинализации) со словообразованием; ср. также функциональные типы адвербиализации деепричастий и существительных, адъективации причастий, не нарушающие смыслового тождества слова: *говорить шепелявя, картавя; идти спотыкаясь, сидеть сгорбившись; зимой кататься с горки; разговаривать шепотом; разорванный блокнот, испачканный пиджак, высохшая трава*.

Эти изменения собственно грамматического характера представляют собой двойной процесс: с одной стороны, словоформа *малость* ослабляет и утрачивает субстантивные признаки, а с другой — приобретает признаки наречия и местоимения-числительного (см. об этом выше на примере словоформ *чутьочку, капельку, крошечку*).

Будучи адвербиальным интенсификатором, *малость* в значении ‘чуть-чуть, немного’ управляет формой родительного падежа имени существительного с партитивной семантикой (см. также: [Плунгян и др., 2021, с. 332—333]). Адвербиальный характер словоформы *малость* в функции обстоятельства меры и степени фиксируется во всех словарях русского языка (см., например: [Ефремова, 2004, с. 275; Словарь наречий ..., 2005, с. 256]).

3.3. Именительный и винительный падежи существительного в контексте адвербиализации и партикуляции

К сфере пересечения процессов адвербиализации и партикуляции можно отнести случаи использования субстантивных словоформ *максимум* и *минимум* для передачи значений ‘самое большее, максимально’ или ‘самое меньшее, минимально’. Возникшие в результате этих транспозиционных преобразований структуры встречаются чаще всего в синтагмах с количественно-именными словосочетаниями (*три месяца, пять лет* и т. п.) (36)

и существительными в темпоральном значении (*день, неделя, год* и т. п.) (37). Например:

(36) *Три, максимум четыре года на прохождение пути от поэзии вообще, пусть и талантливой, до своей, личной — эта стремительность развития тоже впечатляла, тоже мерой, обходившей, опережавшей привычные, на сей раз временной* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений, 1994) [НКРЯ]; *Солнечных дней наберется максимум десять в году, а все остальное время либо идет дождь, либо стоит туман* (А. Золотарёв. Осло, 2004) [НКРЯ]; *Штаб забит гвардейцами, заявляющими в один голос, что бои продлятся недолго, максимум день-два* (Тбилиси. Война на одной площади // «Комсомольская правда», 1991) [НКРЯ];

(37) *Будучи лейтенантом, я в месяц минимум две недели проводил в полях, на учениях и выездах* (Нет перспективы, нет смысла в службе (2004) // «Солдат удачи», 03.11.2004) [НКРЯ]; *Крупнейшая чешская телекомпания «Нова-ТВ» демонстрирует минимум 40 процентов программ и фильмов местного производства* (А. Садчиков. Малой кровью. Народная партия намерена ограничить насилие на телеэкранах // «Известия», 2003.02.04) [НКРЯ]; *Надежде нужна еще минимум неделя, чтобы обезопасить их с Зайкой будущее* (П. Акимов. Плата за страх, 2000) [НКРЯ].

В контекстах (типа 36—37) эксплицируется предельная (минимальная / максимальная) граница чего-либо во времени, в количестве предметов и т. п. Семантически синкреты *минимум* и *максимум* сближаются с адъективными словами в форме превосходной степени и отъядъективными наречиями: *нужен максимум месяц* ≈ ‘самое большее, максимально месяц’. Подвергающиеся грамматической адвербиализации существительные *максимум, минимум* функционально сближаются также с подгруппой смысловых, определительно-уточняющих частиц *почти (целый день), ровно (год), около (года)*, представляющих точную или приблизительную количественную оценку чего-либо. Это позволяет утверждать, что в контекстах вроде (*потребуется*) *максимум год* процесс транспозиции существительных в подразряд определительно-количественных наречий совмещается (пересекается) с процессом транспозиции в определительно-уточняющие частицы.

Ср. контексты употребления ядерных существительных *минимум, максимум* (38) и возникших в результате их адвербиализации и партикуляции гибридных структур (39):

(38) (а) *Одни видят в праве только этический минимум, другие считают неотъемлемым элементом его принуждение, т. е. насилие* (Б. Кистяковский. В защиту права, 1909) [НКРЯ]; *Мужской пол старается затратить минимум усилий на получение доступа к представительницам женского пола...* (М. Бутовская. Антропология пола, 2022) [НКРЯ];

(б) Но **максимум**, что могли разрешить женщине в царской России — это место учительницы арифметики в начальных классах гимназии (Борьба за счастье «профессора Сони» // «Знание — сила», 2020) [НКРЯ]; Недальновидный Трампуша прилагает **максимум** усилий для сплочения России и Китая... (А. Салупкий. Немой набат // «Москва», 2019) [НКРЯ];

(39) (а) Для Всероссийских соревнований, когда две или более площадки для соревнований размещены вместе, необходимая зона безопасности между ними должна быть шириной **минимум** 3 м. (Министерство спорта Российской Федерации. «Правила вида спорта «дзюдо» (утв. приказом Минспорта России от 06.02.2020 N 80) (ред. от 04.10.2021)) [НКРЯ]; Большинство посчитали, что это очень простая и очевидная задача и **минимум** половина второй группы должна определить мелодию (Н. Непряхин. Анатомия заблуждений, 2017—2020) [НКРЯ];

(б) Учитывая, что современная наука знает **максимум** четыре фундаментальных вида сил, члены Нобелевского комитета должны уже вызывать такси, не дочитывая статью до конца (Г. Тарасевич. О науке без звериной серьёзности, 2018) [НКРЯ]; Таможеников так и оставили на прежнем месте в прежнем положении — все равно **максимум** через четверть часа нагрянет с дюжину ребят Плытника, которых предупредили, где будут лежать трофеи (А. Бушков. Ближе, бандерлоги! 2016) [НКРЯ]; Стоит это не так уж дорого, рублей сто, **максимум** полтора-ста (Ю. Трифонов. Обмен, 1969) [НКРЯ]; Еще совсем недавно для больных раком почки прогноз был совсем неутешительным, они проживали всего несколько месяцев, **максимум** год (Г. Костина. Государство против рака // «Эксперт», 2015) [НКРЯ]; Обычно время одного погружения 40—45 секунд, **максимум** до одной минуты (И. Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? 1994) [НКРЯ].

Основным транспозиционным процессом, в который вовлечены субстантивные словоформы **минимум** и **максимум** в функции обстоятельства меры и степени, является адвербиализация. Она приводит к утрате категориальных свойств существительного — значения предметности и средств его экспликации в виде категорий рода, числа и падежа, изменяемости, системы флексий, первичных функций подлежащего и дополнения с синтагматической поддержкой в форме адъективных и субстантивных распространителей. При этом в их структуре обнаруживаются адвербиальные признаки, такие как семантика признака признака, неизменяемость, функция обстоятельства, примыкание как способ связи с главными словами в рамках присловных подчинительных связей. Наблюдаем и изменения на уровне лексико-грамматических разрядов: на смену семантико-грамма-

тическим характеристикам существительного (нарицательность, неодушевленность, абстрактность / конкретность) приходят показатели определительно-количественного наречия. Одновременно *минимум* и *максимум* оказываются функционально приближены к определительно-уточняющим частицам типа *ровно, точно, почти* (в рамках процесса партикуляции). Кроме того, в позиции несогласованного определения эти образования обнаруживают сходство с прилагательными-аналитами; ср.: *задача минимум; программа максимум*.

3.4. Именительный и винительный падежи существительного в контексте адвербиализации и интеръективации

Для совмещения транспозиционных процессов адвербиализации и интеръективации существительных необходимы определенные предпосылки и синтаксические условия. К ним, на наш взгляд, следует отнести употребление субстантивных словоформ, обозначающих чувства (*ужас, страх, жуть, страсть*), события нежелательного, неприятного характера (*смерть*), в постпозиции относительно слов с качественной семантикой, прежде всего глаголов, прилагательных и наречий. Абсолютное употребление образований типа *ужас* используется для выражения сильных чувств и высокой степени качества (в широком смысле слова); ср.: *Ворота ужас высокие* (≈ ‘необыкновенно’) — > *Ворота высокие...* **Ужас!** Если в первом случае имеет место только транспозиция субстантивной словоформы *ужас* в количественное наречие, то во втором — также ее функциональное сближение с эмотивными междометиями. Эмоциональная окраска адвербиализованной субстантивной формы благоприятствует ее интеръективации.

Однако степень смыслового отхода от субстантивной лексики может быть разной — большей, если выражаемая эмоция не соответствует лексическому значению исходного существительного (*Это мне так понравилось — ужас!*; выражение высокой степени интенсивности действия (‘очень’) и чувства восхищения) или меньшей, когда обозначаемое исходной лексемой чувство и выражаемая при интеръективации словоформы эмоция соответствуют друг другу (*Все испугались — ужас!*; выражение высокой степени интенсивности действия и чувства страха, ужаса). Разграничение этих случаев может проводиться с учетом двух типов межчастеречной транспозиции — функционально-семантической и функциональной (собственно грамматической) (см. также: [Шигуров, 2009, с. 77]).

Ясно, что как при адвербиализации, так и при интеръективации субстантивные словоформы утрачивают частеречные признаки класса существительных (семантика предметности; категории и парадигмы; первич-

ные функции подлежащего и дополнения; распространители адъективного и присубстантивного типа; система окончания и др.), приобретая свойства количественных наречий (семантика признака признака, неизменяемость, первичная функция обстоятельства (меры и степени) и др.) и эмотивных междометий (выражение чувств страха, ужаса, удивления, восхищения и т. п.; неизменяемость; обособление). Пересечение процессов адвербиализации и интеръективации не позволяет говорить о полной степени «омеждомечивания» словоформ типа *ужас*, *страх*, *смерть*, так как они не приобретают, например, свойства быть нечленимым словом-предложением (сохраняется функция обстоятельства меры и степени, поддерживаемая синонимической связью с адвербиальными лексемами типа *очень*, *необыкновенно*). Нельзя говорить и об утрате данными словоформами в наречно-междометном употреблении номинативной функции. Лексическое значение исходного существительного при функциональной интеръективации у словоформ вроде *страх* сохраняется.

Приведем типы употребления образования *ужас*, демонстрирующие его разный категориальный статус:

— собственно субстантивное употребление формы именительного падежа:

(40) *Внушаемый провокацией страх, почти сакральный ужас без катарсиса, имеет более глубокие корни* (Подстрекатели истории // «Культура», 2002.04.08) [НКРЯ];

— наречное употребление словоформы (в рамках транспозиции в наречие меры и степени):

(41) *При этом есть ей хотелось ужас как...* (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него // «Волга», 2016) [НКРЯ];

— междометное употребление словоформы (при ее транспозиции в эмотивное междометие, выражающее чувство ужаса, страха):

(42) *Кажется, в лучшем случае — две недели. Ужас! Неужели целых четырнадцать дней, четырнадцать ночей этой пытки?* (И. Грекова. Перелом, 1987) [НКРЯ];

— наречно-междометное употребление словоформы (в рамках адвербиализации и интеръективации):

(43) *Выбросился из окна, несчастный. Ужас! Вот такая судьба* (Е. Литинская. Откровение Оксаны // «Ковчег», 2013) [НКРЯ].

Наречно-междометный тип употребления словоформ типа *ужас* со значением меры и степени проявления признака (*ужас* ≈ *очень*, *необыкновенно*) возможен при его употреблении как за пределами предложения, так и в самом предложении, но в обособленной позиции (преимущественно в конце предложения); ср.:

(44) *Не люблю фалангов этих, ужас! Вчера одну на пороге видела: белая, страшная...* (И. Грекова. На испытаниях, 1967) [НКРЯ]; *И то мякушка, ты правду сказал! И ленивый какой — ужас! Плохо не клади бумаги, где стоит «вице-директор» — сейчас подпишет* (И. Гончаров. Май месяц в Петербурге, 1891) [НКРЯ]; *Ужас, несладко ей ехать придется. Надо отсыпаться, а как-то не спится* (Отчёт о велосипедном походе, 2001) [НКРЯ];

Для сравнения приведем три грамматических омонима *страх*, отмеченные в «Словаре грамматических омонимов русского языка» О. М. Ким и И. Е. Островкиной [Ким и др., 2004, с. 711]:

— Имя существительное:

(45) *Всеми овладел **страх**;*

— Количественное наречие:

(46) *Он **страх** не любил это занятие;*

— эмотивное междометие:

(47) *Что там было. **Страх!***

Отдельно, на наш взгляд, надо рассматривать еще наречно-междометный тип употребления словоформы *страх*:

(48) *Любопытный он был, **страх!***

В контекстах, демонстрирующих адвербиально-междометное использование *страх*, выражается эмоционально-экспрессивная оценка высокой степени интенсивности какого-либо качества, действия (*страх* ≈ *очень*, *необыкновенно*).

Аналогичную ситуацию представляет словоформа *страсть*; см. ее транспозицию в наречие меры и степени и эмоциональное междометие:

(49) *Спать хотелось — **страсть!***

Отметим также субстантивный (50), адвербиальный (51), адвербиально-междометный (52), междометно-императивный (53) типы употребления словоформы *смерть* из Национального корпуса русского языка:

(50) ***Смерть** ненадолго сближает тех, кто остался в живых* (А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001) [НКРЯ];

(51) *Хотя в феврале День Пехоты выпал на среду, с самого утра снег сверкал по-воскресному и **смерть** неохота была загорать в казарме* (В. Корнилов. Демобилизация, 1969—1971) [НКРЯ] (транспозиция в количественное наречие);

(52) *Змея укусила руку; как взорвало меня — **смерть*** (А. Грин. Сердце пустыни, 1923) [НКРЯ] (транспозиция в количественное наречие и эмотивное междометие).

(53) *Вот ваш царь. Взрыв криков: «Смерть ему, **смерть!** Распни его, распни!»* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, 1978) [НКРЯ] (транспозиция в императивное междометие).

4. Заключение = Conclusions

В результате исследования установлено, что процесс адвербиальной транспозиции существительных в именительном и винительном падежах осуществляется в современном русском языке как в чистом виде, так и при пересечении с другими типами транспозиции. В связи с этим можно выделять, с одной стороны, «чистый» тип адвербиализации субстантивных словоформ в случаях вроде *Ему **смерть** неохота было ехать* (транспозиция в наречие меры и степени); *Я этого **век** не забуду* (транспозиция в аспектуально-темпоральное наречие длительности), а с другой — несколько «совмещенных» типов адвербиальной транспозиции существительных, которые проявляются в следующих комбинациях:

А. Адвербиализация + модалация (функциональное сближение с модальными словами в значении категорической достоверности) (*Он **правда** талантливый художник*);

Б. Адвербиализация + партикуляция (функциональное сближение со смысловыми, определительно-уточняющими частицами) (*Для выполнения работы нужно **минимум** два дня*);

В. Адвербиализация + прономинализация (функциональное сближение с местоимениями в значении неопределенного множества) (*Надо **капельку** подождать*);

Г. Адвербиализация + интеръективация (функциональное сближение с эмоциональными междометиями) (*Хулиганил он — **страх!** Страшно было — **ужас!***).

Указанные типы частеречной транспозиции форм именительного и винительного падежей существительных сопровождаются семантико-грамматическими сдвигами в структуре языковых единиц, которые сопряжены с утратой основных признаков исходных существительных и приобретением признаков наречий, модальных слов, местоимений, частиц и междометий.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. БАСРЯ — *Большой академический словарь русского языка* / Рос. академия наук. Институт лингвистических исследований / Гл. ред. А. С. Герд. — Москва : Санкт-Петербург : Наука, 2011. — Т. 19. — 706 с. — ISBN 978-5-02-037529-1.
2. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
3. *Ким О. М.* Словарь грамматических омонимов русского языка / О. М. Ким, И. Е. Островкина. — Москва : Астрель ; АСТ ; Ермак, 2004. — 842 с. — ISBN 5-17-024938-1.

4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 03.06.2025).

5. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2004. — 814 с. — ISBN 5-17-025255-2.

6. *Словарь наречий и служебных слов русского языка* ; [сост. В. В. Бурцева ; ред. Н. М. Семенова]. — Москва : Русский язык-Медиа, 2005. — 750 с. — ISBN 5-9576-0183-7.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. — Москва : Дрофа, 2000. — 640 с. — ISBN 5-7107-2806-3.

2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.

3. *Баудер А. Я.* Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке / А. Я. Баудер. — Таллин : Валгус, 1982. — 184 с.

4. *Буланин Л. Л.* Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории / Л. Л. Буланин // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. — С. 94—115.

5. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1986. — 640 с.

6. *Высоцкая И. В.* Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И. В. Высоцкая. — Москва : МПГУ, 2006. — 304 с.

7. *Гак В. Г.* Асимметрия в языке / В. Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — С. 519.

8. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 768 с.

9. *Давыдов И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка / И. Давыдов. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1852. — 507 с.

10. *Зализняк А. А.* Русское *разве* : от предлога к вопросительной частице / А. А. Зализняк // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 5—11. — DOI: 10.31857/S241377150010943-0.

11. *Зернов Б. Е.* Взаимодействие частей речи в английском языке (статико-динамический аспект) / Б. Е. Зернов. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 126 с.

12. *Карцевский С. О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — 1965. — Ч. 2. — С. 85—93.

13. *Кравцов С. М.* Конверсия в словообразовании : узус и окказиональность / С. М. Кравцов. — Ростов-на-Дону : Изд-во ЮФУ, 2016. — 170 с. — ISBN 978-5-9275-1796-1.

14. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

15. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. — С. 57—71.

16. *Мельчук И.* Две русские лексемы : ВОЗЬМИ [и Y -ни] и ВЗЯТЬ [и Y -нуть] / И. Мельчук // Русский язык в научном освещении. — 2023. — № 2. — С. 9—25.

17. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке / В. Н. Мигирин. — Бельцы : [б. и.], 1967. — 199 с.
18. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) / Е. В. Петрухина. — Москва : МАКС Пресс, 2009. — 208 с.
19. Плунгян В. А. Русское *чуть* : загадки грамматикализации / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, М. И. Орехова // Vilnius University open series, 2021. — С. 331—339.
20. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь ; под ред. И. Б. Голуб. 11-е изд. — Москва : Айрис-Пресс, 2006. — 368 с.
21. *Русская грамматика* Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная / А. Х. Востоков. Изд-е 6-е испр. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1844. — 355 с.
22. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.
23. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1996. — № 4. — С. 25—38.
24. Урысон Е. В. К описанию языковой периферии ... : семантика и грамматика единицы не доходя до / Е. В. Урысон // Русский язык в научном освещении. — 2024. — № 2. — С. 241—254.
25. Шигуров В. В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия / В. В. Шигуров ; Науч. ред. Л. Л. Буланин. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. — 385 с. — ISBN 5-7103-0190-6.
26. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка) / В. В. Шигуров. — Москва : Academia, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-87444-342-9.
27. Шигуров В. В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : теория транспозиционной грамматики русского языка : 2-е изд., испр. и доп. (Серия : Научная мысль) / В. В. Шигуров. — Москва : Изд-во «НИИ ИНФРА-М», 2015. — 160 с. — ISBN 5160109684.
28. Шигуров В. В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи : Теория транспозиционной грамматики русского языка / В. В. Шигуров. — Москва : Наука, 2016. — 702 с. — ISBN 978-5-02-039233-5.
29. Шигуров В. В. Теория транспозиционной грамматики русского языка : модальность как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи / В. В. Шигуров. — Москва : Инфра-М, 2025. — 1063 с. — ISBN 978-5-16-020847-3.
30. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті / І. Р. Вихованець. — Київ : Наукова думка, 1988. — 256 с.
31. Marchand H. Expansion, transposition and derivation / H. Marchand // La Linguistique. — 1967. — Vol. 3. — № 1. — Pp. 13—26.
32. Eihinger L. M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation : die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch / L. M. Eihinger. — Tübingen : Niemeyer, 1982. — 241 p.
33. Stekauer P. A theory of conversion in English / P. Stekauer. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. — 155 p.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 23.09.2025,
подготовлена к публикации 04.10.2025.

Material resources

- BASRYa — Gerd, A. S. (ed.). (2011). *A large academic dictionary of the Russian language*, 19. Moscow: Saint Petersburg: Nauka. 706 p. ISBN 978-5-02-037529-1. (In Russ.).
- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2000). *A large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Dictionary of adverbs and official words of the Russian language*. (2005). Moscow: Russian Language-Media. 750 p. ISBN 5-9576-0183-7. (In Russ.).
- Efremova, T. F. (2004). *Explanatory dictionary of the official parts of speech of the Russian language*. Moscow: Astrel: AST. 814 p. ISBN 5-17-025255-2. (In Russ.).
- Kim, O. M., Ostrovkina, I. E. (2004). *Dictionary of grammatical homonyms of the Russian language*. Moscow: Astrel; AST; Ermak. 842 p. ISBN 5-17-024938-1. (In Russ.).
- NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 03.06.2025). (In Russ.).

References

- A. H. Vostokov *Russian grammar, more fully described according to the outline of his own abbreviated grammar*. (1844). St. Petersburg: [b. i.]. 355 p. (In Russ.).
- Babaytseva, V. V. (2000). *Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language*. Moscow: Bustard. 640 p. ISBN 5-7107-2806-3. (In Russ.).
- Bally, Sh. (1955). *General linguistics and French language issues*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 416 p. (In Russ.).
- Bauder, A. Ya. (1982). *Parts of speech — structural and semantic classes of words in modern Russian*. Tallinn: Valgus Publ. 184 p. (In Russ.).
- Bulanin, L. L. (1983). The structure of the Russian verb as a part of speech and its grammatical categories. In: *Controversial issues of Russian linguistics. Theory and practice*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. 94—115. (In Russ.).
- Davydov, I. (1852). *The experience of the general comparative grammar of the Russian language*. St. Petersburg: [b. i.]. 507 p. (In Russ.).
- Eihinger, L. M. (1982). *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch*. Tübingen: Niemeyer. 241 p. (In Germ.).
- Gak, V. G. (1990). Asymmetry in language. In: *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. P. 519. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). *Linguistic transformations*. Moscow: Languages of Russian Culture. 768 p. (In Russ.).
- Kartsevsky, S. O. (1965). On the asymmetric dualism of the linguistic sign. *History of linguistics of the XIX—XX centuries in essays and extracts*, 2: 85—93. (In Russ.).
- Kravtsov, S. M. (2016). *Conversion in word formation: usage and contingency*. Rostov-on-Don: SFU Publishing House. 170 p. ISBN 978-5-9275-1796-1. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. (In Russ.).
- Kurilovich, E. (1962). Lexical derivation and syntactic derivation. In: *Essays on linguistics*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 57—71. (In Russ.).
- Marchand, H. (1967). Expansion, transposition and derivation. *La Linguistique*, 3 (1): 13—26.
- Melchuk, I. (2023). Russian Russian lexemes: TAKE [and Y -neither] and TAKE [and Y -whine]. *Russian language in scientific coverage*, 2: 9—25. (In Russ.).

- Migirin, V. N. (1967). *Essays on the theory of transition processes in the Russian language*. Balti: [b. i.]. 199 p. (In Russ.).
- Petrukhina, E. V. (2009). *Russian verb: categories of type and tense (in the context of modern linguistic research)*. Moscow: MAKSS Press. 208 p. (In Russ.).
- Plungyan, V. A., Rakhina, E. V., Orekhova, M. I. (2021). Russian word: riddles of grammaticalization. *Vilnius University open series*. 331—339. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E. (2006). *Handbook of spelling and literary editing*. Moscow: Iris-Press. 368 p. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (1993). *Typology of the use of attributive forms of the Russian verb in conditions of negation of action*. Saransk: Publishing House of Mordovia. University. 385 p. ISBN 5-7103-0190-6. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2009). *Interjection as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech (Materials for the transpositional grammar of the Russian language)*. Moscow: Academia. 464 p. ISBN 978-5-87444-342-9. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2015). *Pronominalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: theory of transpositional grammar of the Russian language: 2nd ed., ispr. and add. (Series: Scientific thought)*. Moscow: SIC INFRA-M Publishing House. 160 p. ISBN 5160109684. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2016). *Predication as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech: Theory of transpositional grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka Publ. 702 p. ISBN 978-5-02-039233-5. (In Russ.).
- Shigurov, V. V. (2025). *Theory of transpositional grammar of the Russian language: modalization as a type of stepwise transposition of linguistic units in the system of parts of speech*. Moscow: Infra-M. 1063 p. ISBN 978-5-16-020847-3. (In Russ.).
- Stekauer, P. (1996). *A theory of conversion in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang. 155 p.
- Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*. Moscow: Progress Publ. 656 p. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (1996). Syntactic derivation and the “naïve” picture of the world. *Questions of Linguistics*, 4: 25—38. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2024). Towards the description of the linguistic periphery ...: semantics and grammar of the unit without reaching it. *Russian language in scientific coverage*, 2: 241—254. (In Russ.).
- Vikhovanets, I. R. (1988). *Partial movement in the semantic and grammatical aspect*. Kyiv: Naukova Dumka Publ. 256 p. (In Ukr.).
- Vinogradov, V. V. (1986). *Russian language: Grammatical teaching of the word*. Moscow: Higher School. 640 p. (In Russ.).
- Vysotskaya, I. V. (2006). *Syncretism in the system of parts of speech of the modern Russian language*. Moscow: Moscow State University of Economics. 304 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2020). Russian is it: from the preposition to the interrogative particle. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. A series of literature and language*, 79 (4): 5—11. DOI: 10.31857/S241377150010943-0. (In Russ.).
- Zernov, B. E. (1986). *The interaction of parts of speech in English (static-dynamic aspect)*. Leningrad: Publishing House of the Leningr University. 126 p. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 23.09.2025;
accepted for publication 04.10.2025.*

КОММУНИКАЦИЯ. МЕДИАТЕХНОЛОГИИ. ЖУРНАЛИСТИКА COMMUNICATIONS. MEDIA TECHNOLOGES. JOURNALISM

Василиса Александровна Бейненсон, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Ксения Александровна Болдина, канд. полит. наук (Нижний Новгород)
Марина Рашитовна Бабикова, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Наталия Олеговна Автаева, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ольга Владимировна Кружкова, канд. психол. наук (Екатеринбург)